

Научная статья

УДК 343.85

EDN OZRVOH

DOI 10.17150/2500-4255.2025.19(2).183-193

ОЦЕНКА РОЛИ ОСНОВНЫХ НАКАЗАНИЙ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОКРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

И.О. Кравченко

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

21 января 2025 г.

Дата принятия в печать

9 июня 2025 г.

Дата онлайн-размещения

17 июня 2025 г.

Ключевые слова

Экокриминологическая безопасность;
экологические преступления;
охрана природной среды; основные
наказания; санкции; дифференциация
наказания; медианы

Аннотация. Основным пенологическим средством обеспечения экокриминологической безопасности является наказание. При этом именно основные наказания выполняют базовую функцию формирования безопасной от криминальных угроз природной среды, охраняя и предупреждая наиболее опасные посягательства на природу. В результате проведенного исследования сделан вывод о малой эффективности современной системы основных наказаний, представленных в гл. 26 УК РФ, в разрешении глобальной проблемы минимизации угроз экокриминологической безопасности. В статье проведен анализ санкций статей гл. 26 УК РФ, демонстрирующий потенциальные возможности дифференциации и индивидуализации наказаний за совершение экологических преступлений, в корреляции со сложившейся судебной практикой. В настоящее время 3 из 8 основных наказаний, предусмотренных в указанной главе уголовного закона, не имеют превентивного воздействия, а их присутствие в санкциях лишь декларирует альтернативность назначения наказания за экологические преступления. Принудительные работы, имея законодательную поддержку, не обрели значимого веса в практике назначения наказаний экологическим преступникам. Выявлено доминирующее значение наказания в виде лишения свободы в определении дифференциации уголовной ответственности за экологические преступления при абсолютно диаметральной позиции суда к использованию его на практике. Сделан вывод о формальном присутствии данного наказания в санкциях статей гл. 26 УК РФ, высокие показатели медианы которого используются законодателем исключительно в качестве устрашающей меры, которая, не имея практической поддержки, с данной функцией не справляется. В отношении наказаний, непосредственно связанных с исполнением определенного вида работ, наметилась тенденция к проявлению противоречия в законодательной позиции, определяющей роль данных наказаний в обеспечении экокриминологической безопасности и судебного видения. Признано, что ареал использования штрафа в рассматриваемой сфере очень низок в связи с особенностями личности экологического преступника. Крайне ограниченные возможности дифференциации уголовной ответственности за экологические преступления являются препятствием для формирования безопасной от криминальных угроз экологической среды.

Original article

ASSESSMENT OF THE ROLE OF KEY PUNISHMENTS IN ENSURING ECO-CRIMINOLOGICAL SECURITY

Irina O. Kravchenko

Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation

Article info

Received

2025 January 21

Accepted

2025 June 9

Available online

2025 June 17

Abstract. Punishment is the main penological means of ensuring eco-criminological security. Besides, it is key punishments that carry out the basic function of keeping the natural environment free from criminal threats through protecting it and preventing the most dangerous infringements on nature. The conducted research allowed the author to establish a low effectiveness of the modern system of key punishments presented in Ch. 26 of the Criminal Code of the Russian Federation (CC of the RF) for solving the global problem of minimizing the threats to eco-criminological security. The article presents an analysis of the sanction in Ch. 26 of the CC of the RF, it demonstrates that there is a potential for the differentiation and individualization of punishments for environmental crimes in correlation with the established court practice. Currently three out of eight key punishments provided in the abovementioned Chapter of crimi-

Keywords

Eco-criminological security; environmental crimes; environmental protection; key punishments; sanctions; differentiation of punishment; medians

nal law do not ensure any preventive influence, they simply declare the existence alternative punishments for environmental crimes. Compulsory work, which has legislative support, is not significantly represented in the practice of punishing perpetrators for environmental crimes. The author identified the dominance of the punishment of incarceration in the differentiation of criminal liability for environmental crimes, while the position of the courts regarding its use in practice is diametrically the opposite. It is concluded that this punishment is only formally present in the sanctions of Ch. 26 of the CC of the RF, its high medians are used by legislators solely as an intimidating measure which, lacking support in practice, does not perform this function. As for the punishments immediately connected with performing work of a certain kind, there exists a contradiction between the legislative position that determines the role of such punishments in ensuring the eco-criminological security, and the courts' vision. It is recognized that the scope of using fines in this sphere is very narrow due to the specifics of environmental criminal's personality. Highly limited opportunities for the differentiation of criminal liability for environmental crimes are an obstacle to living in a natural environment that is free from criminal threats.

Введение

Экологизация права в настоящее время активно заявляет о себе в качестве самостоятельной научной парадигмы, возводя в приоритет общественных отношений гармонию взаимодействия общества с природой вне отраслевой привязки [1, с. 363]. В рамках развития данного научного знания активизируется роль государства и общественных объединений на всех направлениях по формированию благоприятной природной среды. В этом смысле экокriminalогическая безопасность является не просто одной из составляющих частей, но ядром в реализации экологической функции государства. Внимание законодателя к вопросам уголовно-правовой охраны природы ожидаемо. Однако качество вносимых изменений в гл. 26 УК РФ вызывает неоднозначную оценку. При этом в санкциях рассматриваемой главы уголовного закона достаточно ярко проявляются пенализационные процессы [2]. Можно согласиться с выводом о том, что в настоящее время назрела потребность в изменении качественного подхода к определению сущности наказания и повышению его эффективности [3].

Степень общественной опасности преступления проявляется в санкциях статей в виде показателя карательного воздействия на осужденного [4]. Пенологические средства обеспечения экокriminalогической безопасности имеют первостепенное значение в формировании условий для эффективного охранительного и предупредительного воздействия. Значение справедливости при отправлении правосудия по делам о нарушении правил охраны природной среды в рамках уголовного закона является общепризнанным трендом в реализации уго-

ловной политики, требующим глубокой проработки не только с объективных позиций, но и с учетом субъективных факторов восприятия карательного воздействия [5].

Методика исследования

Методологическую основу настоящей статьи образует совокупность общих и частных научных методов. Сочетание логико-юридического, системного подходов и частнонаучных методов позволило получить обоснованные и достоверные выводы относительно влияния основных наказаний на формирование безопасной от криминального воздействия природной среды.

В ходе исследования проведен формально-юридический анализ санкций гл. 26 УК РФ, построенный на выделении видов санкций, выявлении доли того или иного основного наказания в определенном сегменте изучения, вычислении медианы конкретного наказания. Определение доли основного наказания в общем количестве санкций данной главы позволяет оценить занимаемую нишу рассматриваемого наказания в законодательной модели реагирования на нарушение запрета. В связи с тем что большинство санкций указанной главы являются альтернативными, то суммарный показатель долей основных наказаний, задействованный в санкциях, не равен 100 %. Определение медианы наказания позволяет оценить ее типовую величину и выявить среднюю шкалу размера данного наказания, что является ярким индикатором при сравнении со средним арифметическим показателем его параметра. Медиана наказания определена посредством сложения нижнего и верхнего пределов рассматриваемого наказания и деления полученной

величины пополам. В свою очередь размер разрыва между минимальным и максимальным размерами наказания характеризует диапазон возможных вариантов определения его величины. Примененные методы позволили изучить модель законодательной реакции на совершение экологического преступления, нашедшей отражение в санкциях гл. 26 УК РФ.

Для определения распространенности использования основных наказаний при привлечении виновных к уголовной ответственности за совершение экологических преступлений задействован статистический метод. Используемые в исследовании статистические массивы взяты из баз данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ за период с 2019–2023 гг. Кроме того, для выявления целесообразности и предопределенности достижения целей наказания применены сведения из 250 обвинительных приговоров судов РФ в 2019–2023 гг., характеризующие личность экологического преступника.

Использованная методика является частной и применена только для настоящего исследования.

Основные результаты исследования

Глава 26 УК РФ содержит 52 санкции, предусматривающие в качестве основных наказаний за совершение экологических преступлений 8 видов наказаний: штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы, принудительные работы, арест и лишение свободы на определенный срок.

В 3 санкциях статей гл. 26 УК РФ в качестве альтернативы установлен арест, но в оценке роли основных наказаний он внимания не заслуживает в связи с низкой законодательной апробацией и отсутствием практического применения.

Аналогичная ситуация с наказанием в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве основного наказания. 8 санкций предусматривают данный вид наказания в качестве основного, что составляет 15 % от общего количества санкций гл. 26 УК РФ, медиана которого варьируется от 2 до 3 лет. Однако на практике суды совершенно обоснованно воздерживаются от его использования в обозначенном качестве. В научной литературе активно лоббируется вывод о том, что данное наказание «не обладает правовой значимостью для регулирования отношений, возникающих из совершения

преступлений, поскольку зачастую оно способно быть заменимым иным видом уголовно-правового воздействия» [6, с. 159]. Действительно, за последние 5 лет (с 2019 по 2023 г.) только один раз лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью было назначено как основное наказание¹. При этом именно данное наказание является самым распространенным по применению среди дополнительных наказаний за совершение экологических преступлений.

Не случайно в науке уголовного права данный вид наказания подвергается критике и прежде всего в части объединения двух диаметрально разных компонентов сущности государственного принуждения: с одной стороны, право на занятие определенной должности, а с другой — право на занятие определенной деятельностью. Запрет на занятие определенной должности на государственной или муниципальной службе в качестве основного наказания выглядит крайне сомнительно. Среди лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение экологических преступлений, доля государственных и муниципальных служащих ничтожна, традиционно этот показатель не дотягивает даже до 1 %². Самое главное здесь — это то, что в любом случае привлечение к уголовной ответственности автоматически исключает право на занятие должности на государственной и муниципальной службе. Поэтому сам факт наличия основного наказания, предполагающего данное ограничение, является профанацией уголовной ответственности, и фактически свидетельствует о законном способе ухода виновных, наделенных властью, от наказания. В отношении запрета на занятие определенной деятельностью в качестве основного наказания очевиден низкий потенциал воздействия на исправление виновного. Необходимо отметить, что позиция судов по назначению указанного наказания представляется целесообразной и обоснованной. В качестве основного данное наказание совершенно

¹ Здесь и далее данные о числе осужденных к тому или иному наказанию представлены на основании Отчета о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания (за 2019–2023 гг.) (см.: Судебный департамент при Верховном Суде РФ : [сайт]. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 14.10.2024)).

² Здесь и далее данные, характеризующие личность экологического преступника, представлены на основе Отчета о составе осужденных, месте совершения преступления (за 2019–2023 гг.).

очевидно не способно обеспечить достижение целей наказания и абсолютно не соответствует личности экологического преступника, поэтому может быть использовано исключительно для усиления воздействия и качественного проявления индивидуализации наказания.

Еще одним наказанием, которое редко используется законодателем и судом при привлечении виновных к уголовной ответственности за совершение экологических преступлений, является ограничение свободы. Только 5 санкций гл. 26 УК РФ предусматривают данное наказание в качестве основного. Во всех случаях — это основной состав преступления, где законодатель демонстрирует единообразие в определении размера данного наказания. Средний размер медианы ограничения свободы в качестве основного наказания по гл. 26 УК РФ составляет 16 мес. или в 14,2 мес. формируется средний арифметический показатель. Подавляющее большинство санкций определяют ограничение свободы в размере до 2 лет, и только одна санкция — до 3 лет. По официальным данным за 5-летний период ограничение свободы как основное наказание было назначено только 0,2 % от осужденных экологических преступников. Такая практика использования данного наказания вполне объяснима проблемами организации контроля над его исполнением в сельской местности. Так как подавляющее большинство лиц, совершающих экологические преступления, проживают именно в сельской местности (92 % от общего числа выявленных экологических преступников за указанный период), то неэффективность ограничения свободы в современных реалиях организации жизни на селе очевидна.

Таким образом, из 8 основных наказаний, закрепленных в санкциях гл. 26 УК РФ, 3 наказания абсолютно нерабочие, они присутствуют в санкциях лишь формально и на практике фактически не используются. Тот факт, что суды игнорируют указанные наказания при привлечении виновных за совершение экологических преступлений к уголовной ответственности, вполне оправдан. Однако позиция законодателя в этой сфере выглядит неубедительно. Очевидно, что присутствие данных наказаний в санкциях гл. 26 УК РФ излишне и не обосновано в связи с несоответствием прежде всего особенностям личности экологического преступника, а также системным проблемам их применения. Действительно, «многие санкции не отвечают в достаточной мере провозглашенному принципу

справедливости, а наука уголовного права пока не создала теорию санкций» [7, с. 5]. Фактически присутствие данных наказаний в санкциях гл. 26 УК РФ искажают реальное положение с дифференциацией уголовной ответственности за экологические преступления, имитируя возможность индивидуализации наказания в ситуации ее реального отсутствия.

Наказание в виде принудительных работ было введено в систему наказаний в качестве альтернативы лишения свободы и призвано сгладить острые проблемы применения одного из наиболее репрессивных наказаний в отношении лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести. Важно учесть, что 77 % норм, предусматривающих ответственность за экологические преступления, отнесены законодателем к преступлениям небольшой или средней тяжести. Примечательно, что 54 % санкций гл. 26 УК РФ предусматривают принудительные работы, что вполне согласуется с современными трендами уголовной политики. Однако в настоящее время в части обеспечения экокriminalогической безопасности эта мера остается в стадии становления и апробации, не оказывая существенного влияния на формирование безопасной экологической среды. Дело в том, что суды крайне неохотно задействуют потенциал данного наказания в исследуемой сфере. По данным департамента судебной статистики при Верховном суде РФ, за последние 5 лет только 0,3 % от общего количества осужденных за совершение экологических преступлений, было назначено данное наказание. Столь низкие показатели использования принудительных работ в обеспечении экокriminalогической безопасности были объяснимы на первых порах введения нового наказания в действие и создания условий для его применения, но в настоящее время эта цифра вызывает тревогу. Представляется, что данное наказание имеет большие перспективы в решении задачи индивидуализации и повышении эффективности наказания за экологические преступления при качественной организации его исполнения на практике.

Самым распространенным наказанием, предусмотренным санкциями гл. 26 УК РФ, является лишение свободы на определенный срок — 85 % от общего количества санкций данной главы. Если учесть тот факт, что 44 % экологических преступлений отнесены законодателем к категории небольшой тяжести, то доминирование наказания, обладающего крайне высоким

потенциалом репрессивности в данной главе уголовного закона, вызывает сомнение. Примечательно, что 9 санкций данной главы (17 %) построены в безальтернативном варианте и устанавливают за совершение экологического преступления наказание исключительно в виде лишения свободы на определенный срок. Интерес представляет тот факт, что изначально законодатель в рассматриваемой главе стремился избегать безальтернативного подхода и только санкция ч. 3 ст. 247 УК РФ была построена по такому варианту. Однако ситуация изменилась в связи с законодательными новеллами. Именно новые составы экологических преступлений законодатель связал с использованием безальтернативного ответа. Сначала в 2013 г. вводится ст. 258.1 УК РФ³, а затем в 2023 г. уголовный закон дополняется ст. 260.1 УК РФ⁴, где с разницей в 10 лет представлена абсолютно идентичная оценка степени общественной опасности квалифицированных составов, предусматривающих

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон от 2 июля 2013 г. № 150-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 27. Ст. 3442.

⁴ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федер. закон от 14 апр. 2023 г. № 113-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2023. № 16. Ст. 2750.

уголовную ответственность за посягательство на особо ценные предметы флоры и фауны, принадлежащие к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации. Индивидуализировать наказания за указанные преступления суды могут, варьируя размер основного наказания в виде лишения свободы. Надо признать, что сглаживает проблему то, что все санкции, за исключением ч. 3 ст. 247 УК РФ, являются кумулятивными и позволяют суду использовать потенциал дополнительных наказаний для усиления воздействия на экологического преступника.

При этом верхняя и нижняя границы лишения свободы определены только в 10 случаях (24 %), соответственно 76 % санкций, предусматривающих наказание в виде лишения свободы, построено без указания нижнего предела. Таким образом, в гл. 26 УК РФ проявились общие системные сбои в модернизации уголовного закона в виде масштабного исключения нижних пределов наказаний в санкциях статей Особенной части УК РФ.

Законодатель использовал 6 вариаций определения размера наказания в виде лишения свободы при установлении нижнего и верхнего пределов (табл. 1). 2 из них использованы только по одному разу. Минимальный разрыв

Таблица 1 / Table 1

Размер наказания в виде лишения свободы в гл. 26 УК РФ, построенный по принципу установления нижнего и верхнего пределов

Punishments of incarceration in Ch. 26 of the CC of the RF, with established lower and higher limits

Размер наказания, определенный в санкции / Length of punishment in the sanction	Количество санкций / N of sanctions	Размер разрыва между минимальным и максимальным размерами наказания, мес. / Gap btw the higher and the lower limits, months	Медиана, мес. / Median, months	Доля в нише лишения свободы с указанием пределов, % / Share in the niche of incarceration with lower and higher limit, %	Доля в санкциях, предусматривающих лишение свободы, % / Share among sanctions providing for incarceration, %
От 2 до 3 лет / From 2 to 3 years	1	12	6	10	2
От 2 до 5 лет / From 2 to 5 years	1	36	18	10	2
От 3 до 5 лет / From 3 to 5 years	2	24	12	20	5
От 3 до 7 лет / From 3 to 7 years	2	48	24	20	5
От 5 до 8 лет / From 5 to 8 years	2	36	18	20	5
От 6 до 9 лет / From 6 to 9 years	2	36	36	20	5

между нижним и верхним пределами лишения свободы в обозначенной части составляет 1 год, а максимальный — 4 года. Однако самый распространенный вариант определения размаха лишения свободы в рассматриваемом случае составляет 3 года. Именно таким образом определен размер лишения свободы в половине случаев формирования нижнего и верхнего пределов данного наказания. Определение медианы позволяет вычислить среднюю шкалу размера наказания и таким образом выявить типовую величину. Величины медианы лишения свободы в рассматриваемом варианте определения размера наказания варьируются от 6 до 36, т.е. в 6 раз максимальные показатели превышают минимальные размеры в пределах гл. 26 УК РФ.

Надо признать, что законодатель активно использует модный в последнее время подход к определению размера наказания в виде лишения свободы, построенный на варианте отказа от определения нижнего предела и использует 8 вариантов формирования санкции (табл. 2). Самый распространенный прием определения размера лишения свободы — это срок до 2 лет (30 % санкций, предусматривающих лишение

свободы) и 38 % санкций, устанавливающих лишение свободы без указания нижнего предела, построены именно так). Размер медианы при данном способе составляет 13, а разрыв между минимальным и максимальным размерами лишения свободы достигает 22 мес., что в полной мере соответствует категории преступлений небольшой тяжести.

К сожалению, не все так благоприятно. Проблема в том, что по мере увеличения максимального срока лишения свободы, установленного в санкциях гл. 26 УК РФ, проблема оценки степени общественной опасности экологических преступлений увеличивается в геометрической прогрессии. Надо признать, что в науке до настоящего времени не выработан единый подход к определению критериев общественной опасности [8, с. 9] — эта проблема в гл. 26 УК РФ преломляется и получает специфическое проявление. Дело в том, что 6 санкций определяют верхний предел лишения свободы, соответствующий тяжким преступлениям, что составляет 14 % среди санкций, предусматривающих лишение свободы, и 18 % санкций, устанавливающих лишение свободы без определения нижнего

Таблица 2 / Table 2

Размер наказания в виде лишения свободы в гл. 26 УК РФ, построенный без указания нижнего предела

Punishments of incarceration on in Ch. 26 of the CC of the RF, without the established lower limit

Размер наказания, определенный в санкции / Length of punishment in the sanction	Количество санкций / N of sanctions	Размер разрыва между минимальным и максимальными размерами наказания, мес. / Gap btw the higher and the lower limits, months	Медиана, мес. / Median, months	Доля в нише лишения свободы без указания нижнего предела, % / Share in the niche of incarceration without the lower limit, %	Доля в санкциях, предусматривающих лишение свободы, % / Share among sanctions providing for incarceration, %
До 2 лет / Under 2 years	13	22	13	38	30
До 3 лет / Under 3 years	1	34	19	3	2
До 4 лет / Under 4 years	5	46	25	15	10
До 5 лет / Under 5 years	9	58	31	26	20
До 6 лет / Under 6 years	2	70	37	6	5
До 7 лет / Under 7 years	1	82	43	3	2
До 8 лет / Under 8 years	2	94	49	6	5
До 10 лет / Under 10 years	1	118	61	3	2

предела данного наказания. Разрыв между максимальной и минимальной величинами лишения свободы при таком подходе составляет от 70 до 118 мес., а пиковые показатели медианы варьируются от 37 до 61 мес.

Таким образом, стирается грань между основным и квалифицированным составами преступления, между разными по степени общественной опасности квалифицированными составами преступлений, а также между разными категориями преступлений. Дело в том, что санкция открывает широкий ареал возможностей вариации размера наказания в виде лишения свободы за одно и то же экологическое преступление. Например, ст. 260 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за незаконную рубку лесных насаждений и закрепляет классический вариант построения уголовно-правовой нормы в части распределения составов преступлений на виды по степени общественной опасности. Соответственно, можно выделить основной состав преступления (ч. 1 ст. 260 УК РФ), квалифицированный (ч. 2 ст. 260 УК РФ) и особо квалифицированный составы данного преступления (ч. 3 ст. 260 УК РФ). Если в определении верхних границ лишения свободы в указанных составах преступлений логика законодателя понятна и имеет непосредственную корреляцию со степенью общественной опасности, то нижний предел во всех составах данного преступления один — это 2 мес. лишения свободы. Получается, что наказание в виде лишения свободы на срок от 2 мес. до 2 лет может быть назначено как за совершение рассматриваемого преступления без отягчающих обстоятельств, так и при наличии таковых и даже при установлении особо отягчающих обстоятельств. При этом требование об учете соподчиненности санкций в юридической литературе признается формальным проявлением принципа справедливости [9, с. 753]. В таком варианте дифференциация уголовной ответственности за незаконную рубку лесных насаждений нивелирована, оценка степени общественной опасности фактически законодателем не произведена, а лишь обозначена частично в виде пунктирного обозначения верхнего предела. В этом смысле совершенно обоснованным представляется предложение об обязательном установлении нижних границ санкции для тяжких, особо тяжких преступлений и ранжировании отягчающих обстоятельств [10, с. 8].

В научном мире активно используется категория неопределенности в праве для характе-

ристики и понимания происходящих процессов. При этом оценка неопределенности варьируется от отрицания до восхваления. С одной стороны, неопределенность порождает хаос, но с другой стороны, при регулировании сложных отношений именно неопределенность позволяет обеспечить «точную правовую регламентацию» [11, с. 35]. Применительно к рассматриваемой сфере отношений при всей их безусловной сложности очевидно, что неопределенность дифференциации уголовной ответственности за наиболее опасные нарушения правил охраны природы не несет в себе ничего положительного, а лишь свидетельствует о признании законодателем проблематики в оценке общественной опасности и попытке самоустраниться от ее решения за счет введения широких пределов.

Невзирая на то, что в санкциях гл. 26 УК РФ по частоте использования доминирует наказание в виде лишения свободы, на практике суды используют его при назначении наказания за совершение экологических преступлений крайне редко: за последние 5 лет только 5,8 % от общего количества экологических преступников было назначено лишение свободы к реальному отбытию. Учитывая категории экологических преступлений, такой результат вполне ожидаем и оправдан. Анализ практики применения лишения свободы за экологические преступления показывает, что 32 % осужденных экологических преступников, получивших данное наказание к реальному отбытию, был определен срок от 2 до 3 лет; 24 % осужденных имели срок от 3 до 5 лет; 21 % — срок от 1 до 2 лет; 16 % — до 1 года. Таким образом, суды при применении лишения свободы не переходят грань наказания, соответствующую категории средней тяжести. Соответственно, преобладание лишения свободы в санкциях гл. 26 УК РФ и высокие показатели медианы данного наказания выполняют формальную роль устрашения, далекую от практического воплощения.

Исправительные работы являются достаточно распространенным наказанием в части обеспечения реакции государства на экологические преступления. Действительно, 42 % санкций гл. 26 УК РФ в качестве альтернативы предусматривают данное наказание. Размер исправительных работ по указанной главе имеет средние арифметические показатели 11,9 мес., а его медиана составляет 10 мес. Можно отметить, что в определении размера данного наказания, учитывая возможности манипуляции в

рамках, установленных Общей частью уголовного закона, превалирует единообразный подход. Так, 82 % санкций гл. 26 УК РФ, устанавливающих за совершение экологических преступлений наказание в виде исправительных работ, закрепляют его размер в виде диапазона, сформированного для этого наказания в общем порядке, т.е. до 2 лет, что формирует медиану в размере 13 мес. Соответственно, только 8 % рассматриваемых санкций устанавливают размер исправительных работ в пределах до 1 года, что составляет медиану 7 мес.

Можно прийти к выводу, что законодатель отводит исправительным работам значимое место в системе обеспечения экокриминологической безопасности, однако на практике эта модель не находит своей реализации. Дело в том, что за изучаемый 5-летний период данный вид наказания применялся в отношении лишь 5 % осужденных экологических преступников. На самом деле такая ситуация неудивительна, если учесть, что 67 % осужденных за совершение экологических преступлений — это трудоспособные неработающие или лица без определенных доходов. Исправительные работы к данным лицам могут быть применимы только в случае их официального трудоустройства по месту жительства в процессе исполнения данного наказания, что сделать крайне затруднительно [12], учитывая тот факт, что подавляющее большинство экологических преступников проживают в сельской местности.

Другая ситуация складывается в отношении использования потенциала наказания в виде обязательных работ. Этот вид наказания стал доминирующим по частоте применения в отношении экологических преступников. Необходимо отметить, что законодатель также отводит данному наказанию одно из центральных мест в системе пенитенциарного обеспечения экокриминологической безопасности: 42 % санкций гл. 26 УК РФ в качестве альтернативы предусматривают данное наказание. Размер наказания в виде обязательных работ в рамках гл. 26 УК РФ имеет средние арифметические показатели 259 ч., а его медиана составляет 240 ч.

Примечательно, что размер наказания в виде обязательных работ установлен синхронно с подходом к определению меры исправительных работ. 82 % санкций гл. 26 УК РФ, устанавливающих за совершение экологических преступлений наказание «обязательные работы», закрепляют его размер в виде диапазона, сфор-

мированного для этого наказания в общем порядке, т.е. до 480 ч., что формирует медиану в размере 270 ч. Соответственно, только 8 % рассматриваемых санкций устанавливают размер данного наказания в пределах до 360 ч., что составляет медиану 210 ч. Таким образом, находит воплощение единообразный вариант выстраивания дифференциации уголовной ответственности за экологические преступления при использовании обязательных и исправительных работ. Это проявляется в том, что указанные наказания установлены в качестве альтернативы за одни и те же экологические преступления, а их размер синхронизирован в пределах диапазона возможностей каждого из них с одинаковым двухвариантным определением их степени общественной опасности.

При этом практика применения обязательных работ заслуживает особого внимания. Дело в том, что за анализируемый период, по официальным сведениям, данное наказание было назначено 22 % от осужденных экологических преступников, что является самым высоким показателем применения среди основных наказаний за совершение экологических преступлений. Примечательно, что для назначения данного наказания суды не видят препятствий, а особенности личности экологического преступника в данном случае не ограничивает ареал его применения. Крайне сомнительно выглядит потенциал качественной организации исполнения данного наказания в условиях места жительства осужденного экологического преступника. Ни для кого не секрет, что в сельской местности в настоящее время наблюдается дефицит социальной инфраструктуры.

Таким образом, в практике применения наказаний, непосредственно связанных с исполнением определенного вида работ, при едином видении законодателя их потенциала, наметились диаметрально разные варианты трактовки особенностей личности экологического преступника в корреляции с современными тенденциями организации трудовой жизни в сельской местности. В этой связи не утрачивают своей актуальности научные размышления о необходимости формализации процесса назначения наказания и ограничения вариативности судебных решений [13].

Штраф в качестве основного наказания за экологические преступления возведен законодателем в ранг самой распространенной меры, установленной в санкциях статей гл. 26 УК РФ.

32 санкции предусматривают штраф как основное наказание за совершение экологического преступления, что составляет 61 % санкций гл. 26 УК РФ. Штраф при использовании способа исчисления его размера в абсолютных показателях, т.е. в фиксированной сумме рублей (далее — 1-й вариант), в рамках гл. 26 УК РФ демонстрирует средние арифметические показатели в размере 408 тыс. р., однако величина средней медианы составляет 1 021,25 тыс. р. При определении размера штрафа в виде заработной платы и иного дохода за определенный период (далее — 2-й вариант) статистика демонстрирует средние арифметические данные в размере 87,5 недель, а величина медианы при таком варианте составляет 124 недели.

Самые высокие показатели медианы штрафа установлены в санкциях ч. 3 ст. 260 и ч. 4 ст. 261 УК РФ (2 000 тыс. руб. по 1-му варианту и 234 недели по 2-му варианту определения его размера), а самые низкие величины медианы (42,5 тыс. руб. и 14 недель соответственно) предусмотрены в ч. 1 ст. 250 и ч. 1 ст. 251 УК РФ. Примечательно, что определение минимального размера медианы при 1-м и 2-м вариантах в санкциях гл. 26 УК РФ совпало и находит закрепление применительно к одним и тем же составам преступлений, что свидетельствует о сформированности оценки степени общественной опасности данных экологических преступлений и единстве законодательного видения дифференциации уголовной ответственности в обозначенной сфере.

При этом штраф в исследуемом периоде был назначен 13,8 % от осужденных за совершение экологических преступлений. Принимая во внимание тот факт, что штраф как вид наказания имеет ограниченный ареал применения в связи с непосредственной зависимостью от финансового статуса осужденного и его данное наказание в отношении экологического преступника имеет невысокий потенциал воздействия. Проблема в том, что лица, совершающие экологические преступления, в подавляющем своем большинстве имеют крайне низкие показатели имущественного положения, что не соответствует модели, предложенной законодателем при формировании реакции на совершение экологического преступления. В данном случае можно отметить, что ожидания и законодательный прогноз реагирования на наиболее опасные нарушения правил охраны природы не совпадают с реальным воплощением. Особен-

ности социального статуса экологических преступников в настоящее время не позволяют при привлечении их к уголовной ответственности широко задействовать штраф.

Выводы

Хочется отметить, что в рамках современного подхода к определению стиля взаимодействия человека с природой, ориентированного на «устойчивое развитие» [14] и предполагающего баланс между экономическими, социальными и экологическими компонентами, пенеологические средства обеспечения экокриминологической безопасности приобретают особое значение в силу их специфического потенциала влияния на формирование ожидаемых результатов. Качественно выверенный закон способен оказать сдерживающее воздействие на преступную деятельность и сформировать представление о невыгодности такого варианта поведения [15]; он является, безусловно, общественно полезной функцией государства [16] в рамках реализации основных направлений уголовной политики. В этой связи актуальным представляется предложение о криминологической обоснованности не только диспозиций, но и санкций уголовно-правовых норм [17, с. 5]. Проблематика конструирования санкций гл. 26 УК РФ наглядно подтверждает данный вывод.

Вопросы дифференциации уголовной ответственности традиционно вызывают дискуссии, но в отношении экологических преступлений, помимо общих проблем, они приобретают собственное наполнение и требуют специального подхода при разрешении [18]. В науке уже обращали внимание на ограниченность возможностей действующей системы наказаний, поэтому «из существующей системы наказаний следует выбирать те виды, которые способны оказать наиболее существенное влияние на личность типичного преступника, с ограничением их количества разумными пределами и с учетом совокупной универсальности данных видов (возможности их применения к лицам, обладающим различными социальными характеристиками)» [19, с. 125].

Можно сделать вывод, что, с учетом данных о личности экологического преступника суды фактически не имеют возможности назначить справедливое наказание в пределах санкции статей гл. 26 УК РФ, поэтому вынуждены применять условное осуждение. Альтернативность

наказаний, закрепленная в санкциях статей рассматриваемой главы УК РФ, является фикцией реальной дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности за экологические преступления. Превалирующая в настоящее время «минимальная дифференциация уголовной ответственности» [20, с. 15] в действующем уголовном законодательстве находит свое яркое негативное проявление в гл. 26 УК РФ. Пенологические средства обеспечения экокриминологической безопасности имеют

низкую адаптацию к современным реалиям, плохо коррелируются со спецификой личности экологического преступника, демонстрируют различные модели реакции на криминальные угрозы в отношении экологической безопасности со стороны законодателя и суда. Показатели невысокой эффективности основных наказаний в части обеспечения экокриминологической безопасности имеют системные проблемы как уголовно-правового, криминологического, так и уголовно-исполнительного характера.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Купцова О.Б. Экологическая функция современного государства: проблемы понимания и перспективы развития / О.Б. Купцова. — DOI 10.17150/1819-0928.2022.23(4).362-370. — EDN UACLOJ // Академический юридический журнал. — 2022. — Т. 23, № 4. — С. 362–370.
2. Надточий Ю.В. Основные тенденции уголовно-правовой политики России в сфере экологической безопасности: проблемы пенализации и депенализации / Ю.В. Надточий. — DOI 10.24866/1813-3274/2020-1/142-153. — EDN VNJPEK // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. — 2020. — № 1. — С. 142–153.
3. Гаврилов Б.Я. Об эффективности уголовно-правовых санкций в системе наказаний в современной уголовной политике государства / Б.Я. Гаврилов, Е.В. Рогова. — DOI 10.55001/2312-3184.2024.41.31.008. — EDN DITZKS // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2024. — № 2 (109). — С. 82–96.
4. Рогова Е.В. Общественная опасность деяния: теоретико-правовые, законодательные и правоприменительные аспекты / Е.В. Рогова, Р.А. Забавко. — DOI 10.17150/1819-0928.2024.25(3).440-449. — EDN NTXZPI // Академический юридический журнал. — 2024. — Т. 25, № 3. — С. 440–449.
5. Ginneken E. van. «Just» punishment? Offenders' views on the meaning and severity of punishment / E. van Ginneken, D. Hayes // *Criminology & Criminal Justice*. — 2017. — Vol. 17, iss. 1. — P. 62–78.
6. Чепаров Л.Д. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: проблемные аспекты наказания / Л.Д. Чепаров. — DOI 10.35231/18136230_2024_3_138. — EDN XHOJRC // Ленинградский юридический журнал. — 2024. — № 3 (77). — С. 138–159.
7. Бунин О.Ю. Реализация принципа справедливости при установлении санкций уголовно-правовых норм : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / О.Ю. Бунин. — Москва, 2006. — 32 с.
8. Егорова Н.А. Общественная опасность преступления: теория, законодательство, судебная практика / Н.А. Егорова. — DOI 10.25724/VAMVD.FPQR. — EDN ZKWHSF // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2019. — № 1 (48). — С. 8–18.
9. Тихонова С.С. Особенности конструирования санкций в уголовном законе: теория и законотворческая практика / С.С. Тихонова. — EDN RBRTOL // Юридическая техника. — 2013. — № 7-2. — С. 752–761.
10. Густова Э.В. Построение санкций в уголовном праве Российской Федерации: теоретический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Э.В. Густова. — Москва, 2005. — 30 с.
11. Власенко Н.А. Неопределенность в праве: природа и формы выражения / Н.А. Власенко. — EDN PYOJOX // Журнал российского права. — 2013. — № 2. — С. 32–44.
12. Орленко Е.С. Исправительные работы: проблемы правоприменения / Е.С. Орленко, И.Г. Гришаева. — EDN FSXGWL // Вестник Воронежского института высоких технологий. — 2022. — № 4 (43). — С. 155–158.
13. Петропавловский А.И. Антагонистичность формализации назначения наказания и бесконечности вариаций криминальных ситуаций / А.И. Петропавловский. — EDN XWPNTF // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. — 2018. — Т. 1, № 3. — С. 114–121.
14. Приходько Т.В. Концепция устойчивого развития и обеспечения национальной безопасности в правовом регулировании Российской Федерации / Т.В. Приходько, А.К. Рожкова. — DOI 10.17150/2411-6262.2020.11(3).16. — EDN NNLGRI // *Baikal Research Journal*. — 2020. — Т. 11, № 3. — С. 16.
15. Carson J.V. Counterterrorism and Radical Eco-Groups: A Context for Exploring the Series Hazard Model / J.V. Carson // *Journal of Quantitative Criminology*. — 2014. — Vol. 30, iss. 3. — P. 485–504.
16. Dali E. Constitutional Protection for Environmental Rights: The Benefits of Environmental Process / E. Dali // *International Journal of Peace Studies*. — 2012. — Vol. 17, no. 2. — P. 71–80.
17. Валеев М.Т. Криминологическое обоснование санкций уголовно-правовых норм особенной части УК РФ / М.Т. Валеев. — DOI 10.17223/23088451/13/1. — EDN ILWIDK // Уголовная юстиция. — 2019. — № 13. — С. 5–12.
18. Кузнецова Н.И. Дифференциация уголовной ответственности за совершение экологических преступлений / Н.И. Кузнецова. — DOI 10.17277/pravo.2024.01.pp.065-073. — EDN RLLABY // Право: история и современность. — 2024. — Т. 8, № 1. — С. 65–73.
19. Тихонова С.С. Длина альтернативной санкции статьи Особенной части Уголовного кодекса: теория и законотворческая практика / С.С. Тихонова, И.А. Киселева, Я.В. Фроловичев. — EDN SKCLYT // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2014. — № 4 (36). — С. 124–127.
20. Рогова Е.В. Учение о дифференциации уголовной ответственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Е.В. Рогова. — Москва, 2014. — 22 с. — EDN ZPOSCP.

REFERENCES

1. Kuptsova O.B. Ecological Function on the Modern State: Problems of Understanding and Prospects of Development. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*, 2022, vol. 23, no. 4, pp. 362–370. (In Russian). EDN: UACLOJ. DOI: 10.17150/1819-0928.2022.23(4).362-370.
2. Nadtochiy Ju.V. Main Trends in the Criminal Law Policy of the Russian Federation in Environmental Safety: the Problems of Penalization and Depenalization. *Aziatsko-Tikhookeanskiy Region: Ekonomika, Politika, Pravo = Pacific Rim: Economics, Politics, Law*, 2020, no. 1, pp. 142–153. (In Russian). EDN: VNJPEK. DOI: 10.24866/1813-3274/2020-1/142-153.
3. Gavrilo B.Ya, Rogova E.V. On the Effectiveness of Criminal Law Sanctions in the System of Punishments in the Modern Criminal Policy of the State. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of the Eastern Siberia Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2024, no. 2, pp. 82–96. (In Russian). EDN: DITZKS. DOI: 10.55001/2312-3184.2024.41.31.008.
4. Rogova E.V., Zabavko R.A. Public Danger of an Act: Theoretical and Legal, Legislative and Law Enforcement Aspects. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*, 2024, vol. 25, no. 3, pp. 440–449. (In Russian). EDN: NTXZPI. DOI: 10.17150/1819-0928.2024.25(3).440-449.
5. Ginneken E. van, Hayes D. «Just» Punishment? Offenders' Views on the Meaning and Severity of Punishment. *Criminology & Criminal Justice*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 62–78.
6. Cheparov R.D. Deprivation of the Right to Hold Certain Positions or Engage in Certain Activities: Problematic Aspects of Punishment. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal = Leningrad Law Journal*, 2024, no. 3, pp. 138–159. (In Russian). EDN: XHOJRC. DOI: 10.35231/18136230_2024_3_138.
7. Bunin O.Yu. *Implementation of the Justice Principle while Establishing Sanctions of Criminal-legal Norms. Cand. Diss. Thesis.* Moscow, 2006. 32 p.
8. Egorova N.A. Social Danger of a Crime: Theory, Legislation, Judicial Practice. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii = Bulletin of Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs' Ministry*, 2019, no. 1, pp. 8–18. (In Russian). EDN: ZKWHSF. DOI: 10.25724/VAMVD.FPQR.
9. Tikhonova S.S. Features of the Construction of Sanctions in Criminal Law: Theory and Legislative Practice. *Yuridicheskaya tekhnika = Juridical Techniques*, 2013, no. 7-2, pp. 752–761. (In Russian). EDN: RBRTOL.
10. Gustova E.V. *Construction of Sanctions in the Criminal Law of the Russian Federation: Theoretical Aspect. Cand. Diss. Thesis.* Moscow, 2005. 30 p.
11. Vlasenko N.A. Uncertainty in Law: Nature and Forms of Expression. *Zhurnal rossiiskogo prava = Russian Law Journal*, 2013, no. 2, pp. 32–44. (In Russian). EDN: PYOJOX.
12. Orlenko E.S., Grishaeva I.G. Correctional Work: Problems of Law Enforcement. *Vestnik Voronezhskogo instituta vysokikh tekhnologii = Bulletin of Voronezh Institute of High Technologies*, 2022, no. 4, pp. 155–158. (In Russian). EDN: FSXGWL.
13. Petropavlovskiy A.I. Antagonisticity of the Formalization of Designation of Criminal Punishment and Infinity of Variations of Criminal Situations. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva = Vestnik of Volzhsky University named after V.N. Tatishchev*, 2018, vol. 1, no. 3, pp. 114–121. (In Russian). EDN: XWPNTF.
14. Prikhodko T.V., Rozhkova A.K. Sustainable Development and National Security Efforts Within Legal and Regulatory Framework of the Russian Federation. *Baikal Research Journal*, 2020, vol. 11, no. 3, pp. 16. (In Russian). DOI: 10.17150/2411-6262.2020.11(3).16. — EDN: NNLGRI.
15. Carson J.V. Counterterrorism and Radical Eco-Groups: A Context for Exploring the Series Hazard Model. *Journal of Quantitative Criminology*, 2014, vol. 30, iss. 3, pp. 485–504.
16. Dali E. Constitutional Protection for Environmental Rights: The Benefits of Environmental Process. *International Journal of Peace Studies*, 2012, vol. 17, no. 2, pp. 71–80.
17. Valeev M.T. Criminological Substantiation of Penal Sanctions of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. *Ugolovnaya yustitsiya = Russian Journal of Criminal Law*, 2019, no. 13, pp. 5–12. (In Russian). EDN: ILWIDK. DOI: 10.17223/23088451/13/1.
18. Kuznetsova N.I. Differentiation of Criminal Liability for Committing Environmental Crimes. *Pravo: istoriya i sovremennost' = Law: History and Modernity*, 2024, vol. 8, no. 1, pp. 65–73. (In Russian). EDN: RLLABY. DOI: 10.17277/pravo.2024.01, pp. 065–073.
19. Tikhonova S.S., Kiseleva I.A., Frolovich Y.V. Length of Alternative Sanctions Article of the Criminal Code Special Part: Theory and Lawmaking Practice. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava = Journal of Altai Academy of Economics and Law*, 2014, no. 4, pp. 124–127. (In Russian). EDN: SKCLYT.
20. Rogova E.V. *Doctrine of Differentiation of Criminal Responsibility. Doct. Diss. Thesis.* Moscow, 2014. 22 p. EDN: ZPOSCP.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кравченко Ирина Олеговна — доцент кафедры уголовного права и криминологии Института юстиции Байкальского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: iokravchenko16@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kravchenko, Irina O. — Ass. Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Institute of Justice, Baikal State University, Ph.D. in Law, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: iokravchenko16@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Кравченко И.О. Оценка роли основных наказаний в обеспечении экокриминологической безопасности / И.О. Кравченко. — DOI 10.17150/2500-4255.2025.19(2).183-193. — EDN OZRVON // Всероссийский криминологический журнал. — 2025. — Т. 19, № 2. — С. 183–193.

FOR CITATION

Kravchenko I.O. Assessment of the Role of Key Punishments in Ensuring Eco-Criminological Security. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2025, vol. 19, no. 2, pp. 183–193. (In Russian). EDN: OZRVON. DOI: 10.17150/2500-4255.2025.19(2).183-193.